

А.И.ФУРСОВ

МИФЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И МИФЫ О ПЕРЕСТРОЙКЕ

ФУРСОВ Андрей Ильич - кандидат исторических, наук, заведующий отделом ИНИОН РАН.

Основным мотивом участия в дискуссии стало то, что объектом анализа стали интересующие меня проблемы: логика развития коммунистического строя, кризис советского общества, оценка дореволюционной и нынешней ситуации (и вытекающая отсюда оценка перестройки и Горбачёва), проблема сталинизма.

Суть дискуссии

«Историк Андрей Фурсов, - пишет А. Ципко, - видит основную заслугу советской России в том, что она "заставила буржуинов идти на уступки и стремиться максимально камуфлировать господство". Поэтому соответственно вина Горбачёва состоит в том, что его перестройка привела к гибели СССР как "субъекта мировой политики". Для Андрея Фурсова как в свое время для певцов большевистской революции Р. Роллана и Ж.-П. Сартра, нет ни "красного террора", ни истребления духовенства, ни физического уничтожения коренных русских сословий, ни ужаса насильственной коллективизации, а есть только "субъектность" мировой истории, "субъектность" СССР, позволяющая облагородить западное общество».

Это позволяет А. Ципко утверждать, что для меня нет "красного террора" и всего остального? Очень даже есть. Помимо прочего, именно поэтому я отказался вступить в ту партию, в которой он не только состоял, но и делал карьеру в советское время.

И где же в моей статье обнаруживается тезис об уступках буржуазии трудящимся на Западе **как об "основной заслуге" СССР?** У меня этого нет. Как нет и причинной связи, фиксируемой А. Ципко с помощью слова "поэтому", которое он добавляет от себя в мою аргументацию. Я нигде не писал об уступках со стороны буржуазии как главной цели существования СССР. Об уступках со стороны буржуазии средним и рабочим классам Запады благодаря существованию СССР у меня говорится совершенно в ином контексте - когда я объясняю причины существования на Западе демократических норм как отклонения от имманентной логики капитализма.

Не соответствует действительности и фраза о том, что я не затронул вопрос о системном кризисе советской модели социализма.

Хотя моя статья не о социальной природе советского общества и не о кризисе, она - о мифах перестройки и мифах о перестройке, в ней я черным по белому пишу о перестройке как о системном кризисе брежневской модели социализма (и коммунистического строя как системы).

Можно ли групповые интересы выдать за общенародные?

При Хрущёве и Брежневе номенклатура боролась за обеспечение гарантий своего существования. В ходе борьбы кое-что перепало не только ее прилипалам (торгаши, "интеллектуха"), а и населению - от квартир в "хрущобках" и участков в шесть соток до низкой квартплаты, возможности работать, не напрягаясь...

Но на рубеже 1970-1980-х годов этот неравный, но все же двусторонний процесс пришел к финишу из-за исчерпания ресурсов и изменившейся не в пользу СССР ситуации в мире.

Настал "момент истины" для господствующих групп СССР: сохранить и расширить привилегии, обретенные в брежневский период, поддерживать и увеличивать социально-экономический разрыв относительно подавляющей массы населения можно было лишь в одностороннем порядке, в виде "игры в одни ворота" - не только лишая население перепавшего ранее, но еще изымая часть принадлежавшей ему доли продукта.

Для этого номенклатуре нужно было изменить статусное положение на классовое. Объективно это требовало создания определенных социально-экономических условий: решение проблемы легальной эксплуатации (ее решили в криминальной форме) и экономического механизма изъятия продукта, превращение дохода в капитал (сделано подключение к мировому рынку).

Создание указанных условий необходимо было подать как важнейший шаг на пути к демократизации, гласности, в "борьбе с тоталитаризмом" за "нормальное общество" (этот шаг объективно требовал победы западной идеологии и массовой культуры, работающих на интересы Запада, над советской, коренного перелома в психологической войне Запада против России/СССР), как борьбу в интересах общества.

Маркс и Энгельс писали: класс, совершающий революцию, по объективным и субъективным причинам, какое-то время должен выставлять себя в качестве представителя общества в целом, питая этой иллюзией общество и в то же время питаясь ею. Для реализации такого курса нужны специфичес-

кие деятели, способные с известной долей искренности (сложная комбинация обмана, самообмана, тщеславия, комплексов) забалтывать.

Генетическая и переходно-промежуточная фазы в истории (когда главное для господствующих групп - консолидация и концентрация сил, создание условий для последующего броска на общество, из которого предварительно надо выпустить пар) выталкивают на первый план именно лидеров-болтунов, мастеров "оральной политики" (Горбачёв, Хрущёв).

С точки зрения объективных интересов господствующих групп, системная задача "оральных политиков" - как можно дольше скрывать групповой интерес за якобы общенародным, отвлечь внимание шараханьем из стороны в сторону, словоизвержением, прожектами и лозунгами от готовящихся или происходящих процессов передела, скомпрометировать эти лозунги и "на выходе", помимо прочего, получить массовую партию.

Сквозь все неадекватности и глупости курса Горбачёва - а их было немало - прочеркивается железная логика, работающая на формирование нового класса социальных хищников, "тремя источниками, тремя составными частями" которого стали номенклатура, криминалитет и иностранный капитал плюс примкнувшие к ним "шудры" из совинтеллигенции, мечтавшие стать буржуазией.

Перестройка решила задачу представления групповых интересов в качестве общенародных. Под эту сурдинку уничтожили "социалистическую субъектность". Тогда и выяснилось: именно она была гарантией советского населения от эксплуатации, нищеты, депопуляции, щитом от своих и заморских хищников. Эта субъектность была жизнь. Теперь для 60-70% населения вместо жизни - выживание. Зато небольшой процент людей получил возможность "рубить бабло", ездить за границу, кривляться на ТВ...

Главное - начать

(или как рождался криминальный номенклатурный паракapитализм)

Горбачёвщина - "акция прикрытия" коренного поворота от уменьшающегося сотрудничества господствующих групп СССР и населения к системно оформленному (собственность, рынок) существованию первых за счет второго, устранение всех помех на этом пути (прежде всего "системы СССР"). Ельцинщина - полная реализация данного поворота.

Именно перестройка заблокировала возможность по-настоящему демократической, в интересах общества в целом трансформации советского социума, уже в 1987-1988 гг. направив его развитие в русло будущего криминально-номенклатурного паракapитализма (с комсомольским задором превратившегося в криминально-олигархический).

Последний предполагал неразрывную связку: 1) отсечение от "общественного пирога" огромной, подавляющей части населения, лишение его доступа к благам цивилизации (в том числе и тем, которые обеспечивала ему советская цивилизация в 1950-1970-е годы); 2) разрушение СССР, устранение мирового геополитического и экономического (космос, оборонка) конкурента, т.е. лишение субъектности в мировой политике, окончательное превращение в сырьевой придаток Запада.

Элементы связи были необходимым условием друг друга: криминально-номенклатурный (в либеральной обертке) паракapитализм требовал интеграции в мировую капиталистическую систему в качестве политически зависимого сырьевого придатка, что предполагало предварительную капитуляцию перед Западом. Интеграция же предполагала уничтожение массового

советского среднего класса, сталкивание его в бедность, а советских бедных-в нежизнь.

Объективно начало этому "двойному удару", сделав его последствия необратимыми, положила перестройка. Она объективно стала средством и способом трансформации позднекоммунистической социальной гнили и превращения ее в класс - в шестерочный сегмент глобального класса хозяев.

Именно перестройка стала "первичным бульоном" слоя посткоммунистических хозяев и кузницей их кадров - "молодых волков", шакалов и рыжих псов приватизации, "гениальных" менеджеров, реальный потолок возможностей которых - торговля цветами и поставка девушек в зарубежные бордели, а единственная способность - не создавать что-то новое, они слишком примитивны и мелки для этого - отнять, поделить и тупо проедать наследие охаиваемого ими СССР.

Фальшивая дилемма

Логика, предлагаемая А. Ципко и с позиций которой он критикует оппонентов, проста: те, кто не принял перестройку, - сталинисты. Либо принимать усилия Горбачёва, проявлять снисходительность к его слабостям, либо принимать сталинизм, восторгаться садизмом Сталина! Исторический коммунизм (социализм) здесь отождествлялся только со сталинизмом и исчерпывался им, т.е. ранней стадией. А куда же делись переходная (хрущевская) зрелая (брежневская) фазы?

Генетические и ранние стадии всех систем, будь то целые социумы или империи, все молодые общества характеризуются исключительно жестоким, кровавым характером, основаны на организованном насилии.

Рабовладение, феодализм, капитализм начинались крайне жестоко. Сталинский СССР - в этом ряду, с поправкой на эпоху массового общества, в котором все процессы приобретают массовый характер.

Один из главных приемов западной пропаганды (во второй половине 1980-х его активно использовали перестроенные СМИ, а после 1991 г. - "либеральные") был в том, что зрелому советскому обществу постоянно адресовали упреки, связанные с ранним коммунистическим строем. Это примерно то же самое, что нынешнюю Великобританию осуждать за кровь и слезы индийцев, африканцев, аборигенов Тасмании. Но ведь этого никто не делает. А с СССР делали, поскольку это было важным оружием в психоисторической холодной войне Запада против СССР, продолжающейся до сих пор, теперь уже против России и прежде всего против русских.

Я отказываюсь делать выбор в рамках навязываемой фальшивой дилеммы "либо Горбачёв, либо Сталин". Мой ответ - принцип системности и историзма в анализе социальных явлений и сравнение систем по одним и тем же критериям и стадиям. Тогда можно и корректно рассуждать о советском коммунизме 30-х.

Оживление интереса к Сталину - это не только ностальгия по державности, которую сдали перестройщики, сформировав алгоритм-условный рефлекс прогрессирующей сдачи позиций страны горбачёвским, а затем и послегорбачёвским руководством, оказывавшемся во все худшем и зависимом положении относительно верхушки Запада. Это прежде всего запоздалое освобождение от господствовавшего с 1956 г. подло лживого несистемного взгляда на Сталина глазами зрелой и сытой советской номенклатуры и "шестидесятников", по сути выполнявших заказ одной из ее фракций.

Миф о "нормальном обществе" и отклонениях от него

Для А. Ципко перестройка - это "реставрация нормального общества, нормальной жизни". Он пишет, что со своей правдой о перестройке остается в одиночестве, ибо в современной России нет "подлинной...правоконсервативной интеллигенции, мечтающей вернуться к тому, что было до социализма", как к нормальному, заслуживающему восстановления состоянию (важно "стремление вернуть к жизни то, что было до большевиков").

Это главное в позиции и мировоззрении А. Ципко, напрочь перечеркивающее его гневную финальную филиппику в адрес людей, которые ни в грош не ставят жизнь и счастье миллионов людей, отказывают своему народу в праве на свободу, собственность и т.д. Именно "нормальное" досоциалистическое общество топтало жизни миллионов людей, ввергая их в отчаянье, материализовавшееся революцией. Именно это происходит в РФ сегодня как логическое следствие системного кризиса советского общества под названием "перестройка", она же - выход из этого кризиса по пути создания "олигархического богатства", превращения номенклатуры в класс, а советского общества - в "нормальное общество" сверхбогачей и сверхнищих.

Видимо, А. Ципко полагает, что предреволюционное русское общество с чудовищной бедностью, с фантастической социально-экономической поляризацией, безответственной верхушкой и нарциссической интеллигенцией, общество социального гниения (достаточно посмотреть земскую статистику), глубоко больное общество, превращающееся в политико-экономический придаток Запада, - это "нормальное общество".

Отклонения в историческом развитии бывают у маленьких стран. У стран-миров, стран-гигантов типа России девиаций не бывает. Коммунистический строй был абсолютно логичен и закономерен в рамках эволюции России с XVI в. как с точки зрения власти, так и с точки зрения населения.

С точки зрения власти, это было полное очищение последней от всех "классово-собственнических привесков" - эта тенденция пробивала себе путь с XVI в. С точки зрения населения, которое в России никогда не было ни частнособственническим, ни классово-эксплуатируемым (эксплуатация классового типа в России предполагает отчуждение не только прибавочного, но и в значительной степени необходимого продукта, поэтому довольно быстро ведет либо к диктатуре, либо к гниlorаспаду страны, либо к революции), комстрой оказался положительной формой "неклассовости". Другое дело, насколько возможен системный антикапитализм в капсистеме, но это не тема данной статьи.

Русское общество конца XIX - начала XX в. было кризисным; распад, разложение, гниение обгоняли возникновение нового, шел процесс олигархизации самодержавия, Россия по сути переживала смуту, в которую ее вверг своими непродуманными реформами Александр II и его квазилиберальное окружение.

Большевизм был логически закономерным, кризисным и хирургическим выходом из страшной ситуации, из этой смуты. Россия в начале 1900-х шла к кошмарному состоянию, похожему на то, в котором РФ оказалась в конце 1990-х. Хотите добольшевистскую, "нормальную" Россию? Тогда неизбежно получите и большевизм.

Post scriptum

Н. Богданов статью о перестройке назвал "Дорога в ад" ("ЛГ", № 27). Тем социальным адом, которым для миллионов людей обернулась эта дорога,

она не заканчивается, это промежуточная остановка. Реальный конец этого пути для России (разумеется, если он будет пройден) - небытие, ничтоизация. России как субъекту нет места в позднекапиталистическом мире. Место есть русскому пространству, ресурсам и биомассе: мозги для корпораций, женские и детские тела для борделей, здоровые органы для пересадки - место "у параша" в международном разделении труда.

Без субъектности, пусть завоеванной с огромными потерями (а когда бывало иначе?), народ превращается в биомассу - легкую добычу для хищников. Горбачёвы-яковлевы подтолкнули население к самому краю пропасти, гайдары-чубайсы столкнули его туда, а грефы-зурабовы пытаются добить окончательно. То, что произошло в 1990-е. - логическое и неизбежное следствие перестройки. Иного (при эволюционном развитии) после 1987-1988 гг. было не дано.

Еще в самом начале перестройки глубоко уважаемый и высоко ценимый мной А. Зиновьев определил горбачевизм как "стремление заурядных, но тщеславных партийных чиновников перехитрить не только людей, но и объективные законы человеческого общества". Стремление обернулось катастрофой для большинства населения. И вот теперь нас пытаются убедить, что попытка обмануть законы истории удалась и что именно перестройка, освободив людей от коммунизма (того, что перестал строить Брежнев?!), принесла им блага цивилизации.